

его мнговало; но, подобно Кулону и Обижю, он бывал с ней близок, лишь когда у нее появлялось желание.

Фурро, претолстый малый, сын г-жи Ларше, замечательный лишь тем, что он превосходно знает толк в мясе, был у Нинон чем-то вроде банкира; она переводила на его имя свои векселя: г-н Фурро благоволил уплатить и т. д. Полагают, что он от нее почти ничего не получал. Она говорила, будто заметила у него одухоль на бабке, настолько он казался ей похожим на лошадь.

Шарлеваль, один из господ д'Эльбенов и Миоссанс сильно способствовали тому, чтобы приобщить Нинон к вольнодумству. Она говорит, будто вст ничего дурного в том, чем она занимается, не скрывает, что ни во что не верит, хвалится тем, что стойко держалась во время болезни, когда думали, что конец ее уже близок, и приобщалась святых тайн лишь из приличия. От этих трюх господ она переняла особую манеру изъясняться и делать смелые умозаключения на манер философов; читает она одного Монтеня и судит обо всем, как ей вздумается. В письмах ее есть цинкость, но мысли излагаются беспорядочно. Она требует уважения к себе от всех, кто ее посещает, и не потерпела бы, чтобы самый знатный придворный посмеялся над кем-либо из ее гостей.

Кулон и она рассорились (в 1650 году), потому что Нинон рассталась с кварталом Маре ради Сен-Жерменского предместья,⁴ где жил Обижю. Покойный Моро младший, сын супруги заместителя Верховного судьи, был в ту пору без памяти влюблен в Нинон; он благоволил перед нею, словно перед королевой; он ей платил, но неизвестно, спал ли он с нею. Я слышал от соседей, что его ланей всегда читал записки своего хозяина, перед тем как передать их Барышне, и ответы Барышни по выходе от нее. Она как-то спросила Рамбуйе: «Скажите, такой-то хорош собой? Мне очень хочется острой приправы». Она говорила это, как вполне порядочная женщина, ибо всегда знала меру и весьма редко отваживалась забеременеть.

Во время поста 1651 года придворные частенько лакомились у нее скоромным; к несчастью, кто-то выкинул однажды из окна кость на голову проходившего мимо священника из церкви Сен-Сюльпис. Этот священник пошел в кюре, поднял у него большой шум, и движимый усердием, добавил, словно речь шла о какой-то мелочи, что в этом доме убили двух человек, не говоря уж о том, что там открыто едят мясное. Кюре пожаловался на это окружному Судье, который был мошенником. Нинон, узнав об этом, послала г-на де Кандаля и г-на де Мортемара к судье для переговоров, и тот учтиво принял их.

Следующим летом, присутствуя на проповеди, Нинон оказалась подле г-жи Паже, жены докладчика в Государственном Совете. Эта женщина с большим удовольствием беседовала с Нинон и спросила у Дюпена, казначея, ведавшего мелкими расходами Короля, кто эта дама. «Это г-жа д'Аржанкур, из Бретани, которая приехала сюда по поводу своей тяжбы».